
КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА ЖИЗНИ И ТРУДА: УРОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Ю. Рождественская

*Если оплачиваемый труд и семья – два традиционных механизма социальной интеграции – привести в состояние противоречий и конкуренции, это может ослабить социальную сплоченность и возможности активного гражданства.
Кьяра Сарацено [Saraceno, 2000. P. 135]*

В фокусе статьи – баланс семьи (партнерства) и занятости на рынке труда как политическая проблема и социальный эксперимент в современных европейских обществах. Концепция баланса раскрывается через новые формы гендерного контракта, интенсификацию и экстенсификацию труда, разнообразие форм семейной жизни. Труд является системообразующим элементом, но распределение во времени и сочетание жизненных задач разрешается индивидуально. Баланс концептуально имеет синхроническое и диахроническое измерения. Задачи образования, занятости и семьи (партнерства) решаются одновременно либо их реализация растянута во времени и упорядочена предпочтениями субъектов. Российские изменения в биографическом совмещении задач жизненного цикла и труда связаны с диахроническим характером формулы баланса, на что указывают, в частности, демографические тенденции «постарения» показателей брачности и рождаемости.

Ключевые слова: социальная политика, баланс биографических задач жизненного цикла и труда, гендер, демографические тренды

Введение

В данной статье ставится задача рассмотреть в европейском социально-политическом контексте концепцию баланса жизни и труда / занятости. Категория «жизнь» здесь включает следующие ком-

Автор благодарит анонимного рецензента и Е. Ярскую-Смирнову за ценные замечания в процессе работы над статьей.

поненты: семья / партнерство, здоровье, неоплачиваемый домашний труд, развлечения, отдых и духовное развитие. Противоречия совмещения занятости и всей остальной жизни могут быть рассмотрены на концептуальной платформе, на эмпирическом материале – в межстрановых сравнениях «расписаний» жизни людей, анализе социально-политических экспериментов и их итогов на национальном уровне. Логика статьи подводит к главному фокусу нашего интереса – в какой модальности строят россияне задачу совмещения трудовой занятости, с одной стороны, и всей остальной жизни, включая семейную, – с другой.

Сочетание семьи / партнерства и трудовой занятости как общая социально-политическая проблема современных европейских обществ

Дискурс политики занятости в Европейском Союзе построен на предпосылке, что все люди трудоспособного возраста имеют оплачиваемую работу, более того, чем дольше, тем лучше. Комплементарно этой идее и представление о «хорошей семье», в которой оба партнера обладают доходом [Gerhards, Hoelscher, 2003]. Образ «хорошей европейской семьи» прикрывает дилемму между конфликтующими запросами на получение дохода и необходимостью осуществления заботы. Это напряжение особенно возросло в связи с падением рождаемости и увеличением потребности в уходе за быстро стареющим населением. Проявляется эта проблема во всех странах – членах ЕС, в разной степени отражая национальные особенности взаимодействия гендерных культур и локальных рынков труда.

Эти национальные паттерны обуславливают меру участия мужчин и женщин на рынке труда, их неравно пропорциональную ответственность за уход за членами семьи, в том числе, заботу о детях и пожилых, инвалидах, принятие решения о времени и количестве рождений. Кроме того, они оказывают влияние на решения относительно конфликтующих запросов дохода и ухода как своего рода фрейм для индивидов и домохозяйств при осуществлении выбора в пользу оплачиваемого или неоплачиваемого труда. Комбинация участия в оплачиваемом и неоплачиваемом труде, построенная на основе национально-культурных паттернов, регулирующих социально одобряемую роль кормильца в семье, имеет системный характер благодаря участию основных социальных институтов и может быть названа «системой семьи и труда». Неоплачиваемая работа включает работу по дому, заботу о детях и близких, требующих ухода, коммуникацию с социальными институтами на локально-муниципальном уровне и прочее, и, в согласии с традиционными национальными гендерными паттернами, осуществляется в основном женщинами.

В объяснении этого есть разночтения: Г. Беккер [Becker, 1981] и К. Хаким [Nakim, 2000; 2003] усматривают в основаниях этой системы, скорее, предпочтения, чем принуждение и властные отношения. С точки зрения сторонницы макрофамиллистского подхода К. Сарацено, известные тренды свидетельствуют, скорее, о поведенческих паттернах, чем об осмысленных предпочтениях [Saraceno, 1991; 2008]. На наш взгляд, имеют право на существование обе позиции, поскольку поведенческому паттерну, ориентирующему, например, на дискурс заботы, предшествует гендерная социализация, которая вырабатывает мало отрефлексированные предпочтения в выборе занятий. Сходная логика применена Н. Чодороу в ее объяснении, почему возникает социально обусловленная потребность в материнстве и уходе за ребенком [Чодороу, 2006].

Возросшее участие женщин на рынке труда во всех европейских странах модифицировало тот баланс, на котором традиционно базировалась система семьи и труда – то, что К. Кроуч [Crouch, 1999] назвал «пост-военным социальным контрактом». Женщины обзавелись доходом, сопоставимым, хотя и меньшим приблизительно на половину или 1/3, в сравнении с мужчинами, и у них осталось меньше времени на работу по дому и уход за близкими. Возросло количество тех из них, кто оказался в позиции единственного кормильца в «домохозяйстве с одним родителем». В то же время усложнение женской социальной роли отчасти компенсируется возросшей внутрисемейной солидарностью, особенно в странах Южной Европы, где система социальных пособий значительно уже, чем в Северной и Центральной Европе. Наконец, старение населения и растущая когорта беспомощных пожилых людей внутри семейной сети могут повысить запрос на уход внутри семьи больше, чем сокращающийся вследствие низкой рождаемости объем усилий по уходу за детьми [Saraceno, 2000. P. 158]. В долгосрочной перспективе это означает, что к малолетности модернизированный гендерный контракт матери-работницы приспособился (а возможно и вызвал малолетность), но в отношении пожилых в семье этот контракт будет в прогрессии испытывать существенное напряжение.

Таким образом, система семьи и труда – своего рода перекресток домохозяйства и системы индивидуальных ресурсов, место баланса или дисбаланса дохода и ухода. Как показывает недавнее сравнительное исследование [Saraceno, 2008], система «примирения» труда и семьи там весьма дифференцирована. В этом исследовании страны были кластеризованы на основе модифицированной версии типологии государств всеобщего благосостояния Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990] для 15 старых членов объединенной Европы. Гипотеза кластеризации базировалась на предпочитаемых в политике страны паттернах режима пособий, понимаемого в терминах Дэли как сфера интервенции, идеология и схема распределения [Daly, 1996. P. 115]. Социал-демократический

кластер включает скандинавские страны и Нидерланды с их высокой степенью декоммодификации и универсализмом, учетом их системы трансферта доходов. Либеральный кластер включает Великобританию и Ирландию. Континентальный кластер включает Австрию, Германию, Бельгию и Францию. Средиземноморский кластер включает Грецию, Италию, Португалию и Испанию, и сюда же позднее были включены Кипр и Мальта. Три страны-кандидаты в ЕС (Болгария, Хорватия и Турция) в итоге были кластеризованы вместе в отдельный кластер.

Более всего интересующий нас аспект постсоциалистического контекста представлен примером Болгарии и Хорватии. Здесь доминирующим паттерном системы семьи и труда является домохозяйство с двумя кормильцами-супругами. Количество часов оплачиваемого труда – как мужчин, так и женщин (особенно женщин) – здесь существенно выше, чем в других кластерах. Тем не менее это отнюдь не рассматривается как результат низкой занятости в неоплачиваемом домашнем труде. Оба партнера в этом кластере тратят больше времени на неоплачиваемый домашний труд, чем в других кластерах. В целом, индивиды с семейной ответственностью в этом кластере вынуждены искать сложный баланс между необходимостью заработка и осуществлением ухода, имея меньше возможностей для отдыха, образования взрослых, различного рода социальной активности, чем в других кластерах – европейских странах ЕС со стажем.

Можно посмотреть на эти данные и под углом концепции слабой и сильной моделей кормильца, по Дж. Льюис и И. Остнер [Ostner & Lewis, 1995]. В соответствии с этой концептуальной схемой, объединяющей гендерный взгляд с социальной политикой, «сильная» модель семьи с мужчиной-кормильцем коррелирует с неполной занятостью женщин, неразвитостью государственной системы детских дошкольных учреждений и правовой защиты женщин-матерей, а «слабая» модель семьи с мужчиной-кормильцем увязана с высокой занятостью женщин в режиме полного рабочего дня, индивидуальной системой налогообложения и социального обеспечения, широким предложением сети государственных детских дошкольных учреждений, доступностью родительского отпуска.

Три упомянутых страны (две из них с социалистическим прошлым и транслируют модель семьи с двумя кормильцами), в определенной степени близки к «слабой» модели ввиду широкого спектра институциональных социальных услуг, что демонстрирует и другой источник – контекстуальные базы GGP и данные GGS [Тындик, 2011]. Насколько близка эта «слабая» модель постсоветскому контексту? В отношении семей соло-матерей Е. Ярская-Смирнова пишет, что, «рассматривая в качестве содержания социального гражданства номенклатуру социальных гарантий, предоставляемых государствам семье в связи с рождением и воспитанием детей, можно было бы прийти к выводу о близости советской модели семьи к скандинавской слабой модели кормильца, если бы не объем предоставля-

емой социальной поддержки. Государство, стремясь к реализации гендерного контракта работающей матери, так и не смогло компенсировать отсутствие в монородительской семье второго экономического актора, приносящего доход» [Ярская-Смирнова, Романов, 2004. С. 93–94], и здесь речь идет о недостаточном развитии сети общественных услуг по уходу за детьми и низких шансах найти подходящую оплачиваемую работу.

Актуальные социальные эксперименты в системе труда и семьи

Ниже мы рассмотрим примеры реализованного социально-политического внимания к проблеме, развертывающейся как национальный эксперимент. Он связан с политикой «пиковых часов» в жизненном пути – голландской схемой, рационализирующей или сберегающей жизненный путь. Данная мера социальной политики была введена в 2006 году правительством Голландии для лучшего управления «пиковыми часами» жизни и обеспечения комбинаций между разного рода занятостью, трудом, уходом и обучением. Это пионерская политика для Европы, не знающая аналога, и хотя ее результаты подвергаются некоторой критике [Maier, de Graaf, Frericks, 2007], нас интересует, прежде всего, концептуальный фрейм, переносящий центр тяжести социально-политического менеджмента с семьи или индивидов с семейными обязанностями на жизненный путь индивида с разным задачами и потребностями.

Почему такая политика стала возможной? Ранее как для Голландии, так и других европейских стран, была характерна картина весьма поляризованного в гендерном отношении и нормативно обусловленного жизненного пути. Его типичные признаки связаны с начальной фазой социализации и обучения, которая перетекает в фазу занятости, в большей степени выраженную для мужчин, и фазу ухода и заботы (дом, рождение детей, уход за пожилыми людьми) для женщин. Затем следовала стадия отхода от активной занятости на пенсию для мужчин и относительное сокращение обслуживающего домашнего труда женщин. Как известно, в изменении этого стандарта жизненного пути существенную роль сыграли доступ женщин к получению образования и позициям на рынке труда, сокращение рождаемости, рост ожидаемой продолжительности жизни, трудовая миграция. Эти и другие социальные изменения были учтены в модернизируемой социальной политике.

Рассмотрим схему этой инновативной политики поближе. В качестве импульса рассматривается характерный для современных обществ социальный феномен, характеризующий изменившуюся структуру жизненного пути индивида: «парадокс смещенной середины». Население позднее включается в оплачиваемую занятость или обязанности по уходу за ребенком, а также располагает более длинным пенсионным перио-

дом жизни, что в итоге смещает или отодвигает условную середину жизни, задаваемую системой занятости рыночных экономик. Другие фазы или задачи жизненного пути становятся зависимыми от средней фазы, приходящейся на занятость, и, в терминах экономики, построенной на системе социальных пособий, представляют собой «не-рынок на рынке». Парадокс заключается в том, что общества, построенные на идее труда, сокращают период собственно труда в жизненном пути индивида, поскольку растянутые периоды жизни (подготовка к труду и отдых от него) требуют сжатия, уплотнения трудовой биографии как наиболее важной жизненной задачи, которую ставит перед собой индивид.

Социальная политика в данном случае призвана облегчить индивиду эту сложную задачу, предоставить помощь, необходимую для сочетания целого ряда активностей. Речь идет о сопровождении поддержкой важных для индивида периодов прерванной занятости. Первой реализацией этой идеи выступила программа охраны жизненного пути (Life Course Saving Scheme), запущенная в 2006 году. Экономическая суть этой программы – в том, что значительная сумма денег может быть отложена для финансирования периода перерыва в занятости. Участник этой программы может сохранить до 210 % своего годового дохода, необлагаемых налогом, и профинансировать чуть более двух лет перерыва в занятости без потери прав. Это время может быть предназначено для ухода за ребенком, обучения или даже потрачено на предпенсионную фазу. Таким образом, эта социальная политика построена на перспективе жизненного пути любого индивида, самостоятельно комбинирующего любые жизненные задачи, требующие перерыва в занятости, а также планирующего их расписание, или тайминг, понимаемый как размещение неких событий относительно временной шкалы.

Тем не менее проведенные оценочные исследования, отслеживающие эффективность данной инновативной политики [Maier et al, 2007. P. 351–352], заставляют отнестись к этим экспериментам достаточно сдержанно, поскольку обнаружилось, что преимущественно отпуск расходуется на родительские цели по уходу за ребенком. Вследствие этого воспроизводятся привычный «гендерный сценарий»: большинство женщин хотели бы воспользоваться возможностями родительского перерыва в занятости по этой схеме, теряя при этом шансы на ранний уход на пенсию или другие задачи жизненного пути. Это означает, что данный эксперимент фактически дублирует уже имеющиеся меры социальной поддержки.

Безусловно, в Европе существует множество похожих мер социальной политики, прежде всего облегчающих родительство и перерывы в занятости вследствие получаемого образования, кроме того, существуют гарантии творческого отпуска (sabbatical leave). Отличие же упомянутой схемы – в ее универсальности, охватывающей любой вид перерыва,

вне всяких обязательств работодателя по отношению к ушедшему в «отпуск» как безработному. Единственный близкий европейский пример предоставляет бельгийская схема «временных кредитов» (time credit scheme) [Debacker et al., 2004], согласно которой работники имеют право прервать трудовой процесс на один год из любых соображений или сократить время труда от 20 до 50 % за соответственный период. Большинство пользователей данной меры в Бельгии (78 %) – женщины, осуществляющие обязанности по уходу, в то время как мужчины (22 %) используют ее как повод более раннего выхода на пенсию.

Подчеркнем, что голландская схема социальной политики столь изменившегося жизненного пути – результат общественной дискуссии, политических дебатов между партиями (неотрадиционалистами среди христианских демократов и индивидуалистами среди консерваторов) и реакции правительства на этот социальный запрос по поводу модернизации прежней социальной политики. Ведущим лозунгом кампании по реформе социальной политики была «Свобода выбора», ставка на индивидуалистичное решение проблем жизненного пути, который, тем не менее, приобрел новую стандартизированную конфигурацию. Критика в адрес этой схемы, прежде всего, была вызвана тем, что критерий свободы выбора в жизненном пути автономного индивида гарантирован лишь формально, на практике не учитывает взаимопереплетение жизненных путей индивидов, влияние гендерных паттернов, а также биографические интересы партнера [Esping-Andersen, 2002; Krueger, 2003; Moen, 2003]. Комбинация партнерских отношений, недооцененная в предложенной схеме политики, обуславливает потребность в совместных решениях мужчин и женщин относительно места труда и заботы в общем партнерстве. Это подтверждается опросами общественного мнения в Голландии [Maier et al., 2007. P. 353].

Другое возражение связано с узким пониманием нового стандарта жизненного пути, хотя и отвечающего современным запросам европейца, но не учитывающего интересы специфических социальных групп. Этнические мигранты, а также социальные группы с низким уровнем образования, хотя и могут быть стимулированы к сближению с «благообещающим» социальным стандартом, но в реальности смещаются к позиции маргиналов. Больше выигрывают те граждане с более высоким образовательным цензом и доходом, находящиеся в фазе зрелости, индивидуалистичные по своим ценностям, обладающие своего рода социальной компетентностью осуществлять выбор между надлежащими видами деятельности. Очевидно, что критика призвана выровнять нарушенный баланс социальной справедливости, понимаемой не только в смысле обеспечения шансов на гендерное равенство, но и как снятие социального напряжения между социальными группами обеспеченных и бедных в смысле предоставления последним дополнительных шансов.

Концептуальные рамки проблемы комбинации жизни и трудовой занятости в Европе

Поиски оптимального сочетания задач жизненного пути в последнее время стали весьма популярной темой и предпочтительной формулой «work-life balance» в современном обществе, по-прежнему построенном на труде. Именно так сформулированный социальный запрос на индивидуализированный поиск баланса, а не следование традиции, открывает широкое поле попыток перевести это новое знание в плоскость модернизируемой социальной политики, примеры которой разбирались выше. Хотя хронологически научная дискуссия и исследования предшествуют реакции социальных институтов, призванных изменить или облегчить взаимоотношения индивидов (или населения) и государства, мы предварили рассмотрение концепций баланса жизни труда описанием актуальных социальных тенденций, а также их институциональных фреймов.

Эта формула свидетельствует о переносе центра тяжести в конструировании жизненного пути на индивидуальный выбор, предпочтения и подтверждающие их действия. Отправной точкой анализа изменившихся условий сочетания жизни и труда являются дерегуляция трудовых отношений, возросшая нестабильность повседневной жизни и биографии, потребность индивидов в балансе противоречивых стремлений и растущая важность успешного тайминга для качества жизни индивидов.

В своей статье Джон Макинн интерпретирует теоретические дискуссии и социально-политические дебаты о балансе жизни и труда как либеральный ответ на демографические тренды – особенно падение рождаемости и старение населения [MacInn, 2006. P. 227]. С его точки зрения, поворот к теме баланса продиктован тремя основными факторами. Прежде всего, в этом «повинен» коллапс системы «мужчина-кормилец», который вынуждает работодателей признавать семейные обязанности занятых. Многие работающие родители полагают, что работодатели не могут рассчитывать на их долгую нераздельную лояльность фирме. Второе – интенсивность труда (больше рабочих часов и с большей нагрузкой) обязывает государство инициировать социальную защиту трудящихся. И третье, все больше запросов со стороны семейной жизни (рутина ежедневного воспроизводства семьи – еда, уход, обучение / воспитание, развлечение / отдых, забота о детях и пожилых) вторгаются в занятость различными путями.

Экспертами были классифицированы три наиболее важных контекста происхождения этой формулы [Hildebrandt, 2006. P. 254]:

- Растущая важность совместимости семьи и занятости, особенно для женщин, все шире присутствующих в доле экономически активного населения [Klammer et al, 2000; Janczyk et al, 2003];
- Ценностный сдвиг, заметный в растущих секторах общества, в сторону сочетания обязанностей и самореализации [Klages, 1998], широкого планирования жизни, к «культуре выбора» [Bude, 2003];

- Возникновение стратегий корпоративно оптимального трудового времени как рамок растянутого оперативного времени, гибкой способности к управлению человеческими ресурсами [Brake, 2003].

Формула «баланс жизни и труда» содержит фундаментальные тренды на индивидуальном уровне, в семье, и на макроуровне – в обществе. Она также является способом временной координации запросов со стороны различных сфер жизни. В перспективе повседневности эти запросы соседствуют с дневным / недельным бюджетом времени. В биографической перспективе, по контрасту, периоды жизни могут фокусироваться на разных задачах. Например, учась в вузе, мы откладываем брак и рождения детей – или прерываем карьеру, реализуя родительство. Речь идет о ежедневном распределении времени между различными потребностями.

Задача баланса – в достижении качества жизни в его субъективном измерении (удовлетворенность) и в объективных измерениях (здоровье, карьера, полнота частной жизни). Концепт баланса, соответственно, всегда нормативно нагружен в направлении «хорошей жизни», жизни в равновесии. В то же время концепт баланса предполагает и обратное – нестабильность. Предпосылка индивидуального достижения баланса – в развитии специфической личной компетенции в управлении разбалансированием, гибкостью и прерывностями. В исследовании Хильдебрандта эта специфическая компетенция включает способность к целеполаганию («что я хочу в реальности»), рефлексивность, целенаправленность (планирование, риск, возможность оценки, подготовка к выполнению), управление конфликтом целей и обучение через опыт [См.: Hoff, 2003].

Присмотримся к ценностным и биографическим измерениям концепта баланса жизни и труда. Различные изменения в организации трудового процесса имели следствием не только собственно новые навыки в труде и самоорганизации, но и стремление к новым задачам в повседневной жизни, отмеченной ценностями самостоятельного планирования, соединением элементов конфигурации «труда, семьи и свободного времени». Разумеется, труд здесь является системообразующим элементом, но важно подчеркнуть индивидуализированную форму этой композиции, которая диктуется биографическими запросами. Рефлексивный биографический проект, по Э. Гидденсу, индивидуализация и де-институционализация жизненного пути, по М. Коли, или рефлексивная биография, в терминах У. Бека, отражают то понимание феномена современной биографии, в которой управление биографическим таймингом и набором событий в большей степени зависит от индивида и институциональных опций, а не от традиций.

Баланс, который осуществляет индивид, планируя свою биографию, с точки зрения Д. Анксо и Ж.-И. Булена [Anxo, Boulin, 2006. P. 322], концептуально имеет два измерения – синхронический и диахронический. Либо задачи получения образования, занятости и семьи / партнерства решаются одновременно, либо их реализация растянута во времени и упоря-

дочена с точки зрения предпочтений. Упомянутые авторы полагают, что концепт «баланс жизни и труда», как долгосрочная перспектива, возможен только при институциональной поддержке адекватного (для реализации и внутрудовых запросов) времени труда, в противном случае искомый баланс ограничен индивидуальной активностью и компетенциями, гибкостью планирования и дестандартизацией образа / стиля жизни [Ibid.].

Российские изменения в биографическом тайминге и перспективы баланса жизни и труда

Чтобы понять, какая модель баланса жизни и труда эмпирически прорастает в российском контексте (о развитой социально-политической инициативе пока говорить не приходится), рассмотрим некоторые новые тенденции социально-демографического развития, которые свидетельствуют об определенных сдвигах в конфигурации жизненного пути.

Еще в 90-х годах XX века российские демографы усматривали одно из главных отличий России от стран Запада в высокой и практически неизменной вероятности рождения хотя бы одного ребенка, откладывание рождения и, тем более, добровольная бездетность в России не были распространены [Дарский, 1995. С. 74–76]. Сегодня мы уже можем утверждать, пишет С. Захаров, что «приобщение к опыту откладывания первого ребенка среди молодых поколений происходит весьма интенсивно. Первыми в России продемонстрировали иное брачное и репродуктивное поведение поколения, родившиеся в 1970-е годы» [Захаров, 2005. С. 133]. Суть изменений – в замедлении темпов формирования семьи, постарении среднего возраста жениха и невесты, что сближает российскую модель брачности и рождаемости с европейской. Вследствие этого последовательность демографических событий в рамках жизненного пути индивида, о которой свидетельствовали прежние тренды, нарушается и приобретает четкую тенденцию отодвигания на более поздние возраста. О каких конкретно тенденциях идет речь? По мнению того же автора [Захаров, 2006], характеристиками новой тайминговой модели рождаемости и брачности в России являются следующие:

- возраст заключения первого брака повышается (для женщины в 1990 году – 21,9, в 2004 году – 23,3, для мужчины, соответственно, – 24,0 и 26,1);
- возраст матери при рождении детей первых трех очередностей повышается (при рождении первенца в 1990 и 1995 годах – 22,7, в 2004 – 24,0, при рождении второго ребенка в 1990 и 1995 – 26,9, в 2004 году – 28,8);
- вклад матерей молодых возрастов (до 25 лет) в итоговую рождаемость поколений падает при одновременном падении интенсивности производства аборт;

- интервал времени между рождением первого и второго ребенка увеличивается: с 3,5 лет в 1980-х годах до 5,5 лет во второй половине 1990-х годов и, видимо, до 6 лет в первой половине 2000-х годов (если последняя цифра подтвердится более поздними данными, то она станет для России исторически рекордной);
- доля рождений вне брака в общем числе рождений растет (в 1990 году – 14,6 %, в 2004 году – 29,8 %) и выравнивается по возрасту матерей от 20 до 50 лет.

Прогноз показателей итоговой рождаемости поколений в России, по выводам демографа, зависит от того, «в какой мере рост показателей рождаемости у матерей старше 30 лет сможет скомпенсировать падение показателей, наблюдавшееся у молодых матерей, и как велика будет доля женщин, так и не решившихся в течение своей жизни на рождение даже единственного ребенка» [Захаров, 2005. С. 135]. Именно последние показатели окончательной бездетности вследствие отложенного и так и не реализованного выбора являются наиболее дискуссионными как свидетельство сугубо индивидуального решения, идущего вразрез с официальным пронаталистским дискурсом. Более того, оформившееся в Интернет сообщество *child free*¹ как коммуникативная площадка для тех, кто уже и в России открыто придерживается позиции сознательной бездетности и привлекает пристальное внимание общества, является маркером изменившегося климата, который складывается в сфере частной жизни.

Если посмотреть на упомянутые тенденции с точки зрения концепции баланса жизни и труда, становится очевидно, что стихийное складывание данной формулы в России происходит диахронично, то есть в дизайне последовательности, которая демонстрирует совершенно новую смысловую группировку календарных событий. Все более высвобождается десятилетие в возрасте между 20 и 30 годами для получения образования и карьерного старта, экспериментирования с формами занятости и партнерства, мобильности в широком смысле. Вследствие таких сдвигов в событийной структуре жизненного пути можно ожидать, прежде всего, сокращение периода фертильности и собственно рождаемости, но и всплеск рождаемости в поздних возрастах. Например, в начале 2000-х годов самые быстрые темпы роста рождаемости оказались в группах 35–39 лет и 40–44 года [Русанова, 2008].

Очевидно, что стихийная диахроничность баланса жизни и труда приходит в противоречие с доминирующей пронаталистской политикой, меры которой имеют другие идеологические акценты.

¹ Childfree – добровольно бездетные. В России его сторонники объединились в 2004 году, тогда же слово «чайлдфри» в русской транскрипции вошло в свободную энциклопедию «Википедия». Зарегистрированное сообщество насчитывает около 500 членов. Подробнее о добровольно бездетных: [Русанова, 2008].

Данные исследовательского проекта «Родители и дети, мужчины и женщины» (РиДМиЖ) отчасти помогают понять предпочтительные позиции россиянок в отношении диахроничности и синхроничности семейных и трудовых событий жизненного пути. Исследователи значимо дифференцировали группы женщин, склонных принимать решения самостоятельно или под влиянием мужа / партнера. В контексте нашего интереса к индивидуализации решения в биографии, вырисовывается возможность оценить стратегии принятия решений относительно занятости и рождения ребенка в домохозяйстве. По данным РиДМиЖ, наиболее распространенной является ситуация, когда решение о занятости женщины принимает она сама (67 %), и по контрасту реже всего встречается сугубо традиционный тип отношений, когда решения о занятости женщины принимает ее партнер – мужчина (6 %) [Синявская, Захаров, Карцева, 2007. С. 444].

Что касается связи занятости и рождаемости, 61 % женщин – это те, которые на момент опроса имели работу, но не хотели завести (еще одного) ребенка. Доля тех, кто при наличии работы хотел бы завести ребенка, составила 21 %, а 14 % женщин не имеют ни работы, ни желания завести ребенка. Тех, кто, не имея работы, выразил желание завести ребенка – 6 % от общего числа попавших в выборку женщин [Синявская, Захаров, Карцева, 2007. С. 443]. Взглянув на эти данные сквозь призму концепции баланса жизни и труда, мы выделим довольно многочисленную группу женщин, потенциально склонных в своих установках к диахроничной модели – 61 %, и противоположную группу – 21 % женщин, занятость которых не препятствует желанию завести ребенка.

Важный фактор, проливающий свет на установки этих обследованных социальных групп, – уровень образования. Если у женщин с более низким уровнем образования оказывается и меньше шансов на рынке труда, меньшая заработная плата, более ранние рождения, то женщины с высшим образованием, сумевшие потратить больше времени (и средств) на его получение, «имеют лучшие перспективы в сфере занятости и, несмотря на повышенное желание иметь детей, не только откладывают их рождение на более поздний срок, но так и не догоняют остальные образовательные группы по среднему числу детей женщин» [Синявская, Захаров, Карцева, 2007. С. 446]. Таким образом, высшее образование и трудовой опыт составляют вместе биографическую конфигурацию женского жизненного пути, построенную на «откладывании рождения ребенка ради более продуктивного начала своей карьеры» [Там же. С. 452]. На вынужденность и стихийность складывающейся диахроничной модели указывает парадоксальная картина намерений и желаний в отношении детей: эта группа женщин с высшим образованием отличается, по утверждению авторов исследования, «повышенным желанием» иметь детей, но не намерена их заводить вообще (или же заводить второго ребенка) или отодвигает на будущее этот шаг. Этот разрыв между желаемым

и для себя возможным представляет собой объект социально-политических мер, будь они адресны по возрасту, образованию, доходу и статусу.

Нам представляется, что этот выбор в пользу диахронической модели – следствие ряда факторов, среди которых рефлексия по поводу опыта решения подобных задач у предыдущих поколений, а также отсутствие институциональной поддержки, низкий инфраструктурный уровень сервиса, девальвация помощи со стороны института бабушек, возросшие притязания к качеству жизни, очевидный рост гендерного самосознания, позитивные коннотации карьерного роста для молодых женщин, современные репродуктивные технологии, раздвигающие возрастные рамки фертильности. Советская эпоха, во многом критикуемая справедливо, тем не менее, создавала и поддерживала институциональные условия для баланса жизни и труда, синхронизирующего материнство и занятость, благодаря широкой инфраструктуре детских дошкольных учреждений, бесплатной медицины и социальной защиты. Очевидно, этот опыт синхронизации в формуле баланса удается реализовать только малообразованным слоям населения.

Коль скоро в этом контексте звучат образование и карьера, значимая в равной степени и для юношей, и для девушек, видимо, данный сдвиг преимущественно коснется среднего класса с его ценностями профессиональной самореализации для обоих полов, но для женского пола – в особенности. Соответственно, актуальным нормативным стандартом для концепции баланса жизни и труда выступает гендерное равенство как в системе занятости, так и в распределении домашних обязанностей в повседневности, но также ансамбль различных действий в рамках семейной политики, учитывающий репродуктивные модели поведения женщин с разным образовательным уровнем.

Безусловно, сценарное разнообразие жизненного пути, закладываемое в основу баланса жизни и труда, не закрывает и возможных рисков, а именно, относительного роста той категории профессионально ориентированных женщин, которые, отодвигая рождения, в итоге потеряют возможность их реализации. Хотя российские данные (прогноз 10–15 %) и далеки от впечатляющих европейских показателей окончательной инфертильности (20–25 %), тем не менее, они составляют, наряду с данными по малодетности и многодетности, общий демографический модернизированный пейзаж. Нам представляется, что малодетность образованных слоев – это также плата за стихийность реализуемого в России «баланса жизни и труда» и ту форму диахронии, которая сложилась в отсутствие действенной и адресной социально-политической поддержки.

* * *

Концепция баланса жизни и труда – не слишком строгое научное понятие для перспектив социологического и социально-демографического анализа, поскольку редуцирует труд к оплачиваемой занятости

и камуфлирует отдых, заботу о пожилых и воспитание детей под понятие жизни в целом. Но в этой концепции заложена идея балансирования между поставленными в ситуацию противоречия жизненными задачами, и с ее помощью возможно описать современные тенденции на перекрестке систем труда, биографии и частной жизни. Кроме того, здесь тематизируется сюжет изменившихся границ между временем жизни, отданным образованию, труду, семье / партнерству, детям. Более уплотненное время трудовой биографии, как части общего жизненного пути, при растянутых фазах предваряющего образования и последующего отдыха от труда, заставляет индивида пересматривать календарь событий частной жизни, стимулирует своего рода компетенции управления биографическим таймингом. Важно, что европейский социально-политический дискурс активно взял на вооружение эту концепцию, что свидетельствует, как минимум, о ее риторическом потенциале. Как максимум, эта концепция с реализованными в ее русле социально-политическими экспериментами выглядит перспективным управленческим инструментом для определенных социальных групп, прежде всего образованных средних слоев, готовых брать риски экспериментирования с собственным жизненным путем на свои плечи. Но концепция «баланса жизни и труда» вряд ли оправдывает большие пронаталистские ожидания государства и существенно повысит фертильность в этих социальных группах, скорее, это институциональный инструмент повышения удовлетворенности жизненным проектом и, в перспективе, качества жизни.

Список литературы

Дарский Л. Е. Современная рождаемость: переход к однодетной семье или временный кризис двухдетной? // *Семья в России.* 1995. № 1–2. С. 74–76.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // *Отечественные записки.* 2005. № 3 (24). С. 124–140.

Захаров С. Трансформация модели формирования семьи в России: «тихая» революция, которую ожидали? Тезисы 25 апреля 2006 г. Научные семинары НИУ ВШЭ // http://www.hse.ru/org/hse/seminaria/lab_arhiv.

Русанова Н. Е. Новые тенденции рождаемости в России // *Народонаселение.* 2008. № 3. С. 152–161 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0353/analit02.php>.

Синявская О. В., Захаров С. В., Карцева М. А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421–476.*

Тындик А. Восточноевропейская семейная политика и ее проекция на микроуровень – семинар Сравнительная семейная политика НИСП 2011 // http://www.socpol.ru/news/docs/Tyndik_18-07-2011.pdf.

Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006.

- Ярская-Смирнова Е. П., Романов П. В.* Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. Т. XIII. № 2. С. 66–95.
- Anxo D., Boulin J.-Yves.* The organization of time over the life course: European trends // European Societies. 2006. Vol. 8. № 2. P. 319–341.
- Becker G. S.* Altruism in the Family and Selfishness in the Market Place // *Economica*, London School of Economics and Political Science. 1981. Vol. 48. № 189. P. 1–15.
- Brake A.* Familie – Arbeit – Freizeit: Was zählt? Optionen der Lebensqualität in den Vorstellungen junger Erwachsener. Opladen, Wiesbaden: Leske+Budrich, 2003.
- Bude H.* Selbstständigkeit und Sorge // Frankfurter Rundschau, 6.12.2003.
- Crouch C.* Social Change in Western Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Daly H. E.* Beyond growth: the economics of sustainable development. Boston: Beacon Press, 1996.
- Daly M.* A fine balance. Women's Labor Market Participation in International Comparison // F. W. Scharpf and V. A. Schmidt (eds). *Welfare and Work in the Open Economy*. Vol. II. Diverse Responses to Common Challenges, Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 467–510.
- Debacker M., De Lathouwer L., Bogaerts K.* Time Credit and Leave Schemes in the Belgium Welfare State. Paper presented at the TLM.net conference "Quality in Labor Market Transitions: An European Challenge". Amsterdam: SISWO/Social Policy Research, 2004.
- Esping-Andersen G.* A Welfare State for the 21st Century. Tokyo: Sakurai-Shoten, 2002.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Gerhards J., Hoelscher M.* Cultural Differences between Current and Future Member Countries of the European Union – The Example of Family and Gender Concepts // *Zeitschrift für Soziologie*. 2003. Vol. 32. № 3. S. 206–225.
- Hakim C.* Models of the Family in Modern Society. Aldershot: Ashgate, 2003.
- Hakim C.* Work-lifestyle choices in the 21st century: preference theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Heinz W. R.* From work trajectories to negotiated careers. The contingent work life course // J. T. Mortimer and M. J. Shanahan (eds). *The Handbook of the Life Course*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2003.
- Hildebrandt E.* Balance between work and life – new corporate impositions through flexible working time or opportunity for time sovereignty? // *European Societies*. 2006. Vol. 8. № 2. P. 251–271.
- Hildebrandt E., Litting B.* Concepts, approaches and problems of work-life balance // *European Societies*. 2006. Vol. 8. № 2. P. 215–222.
- Hoff E.-H.* Kompetenz- und Identitätsentwicklung bei arbeitszentrierter Lebensgestaltung // *Bulletin berufliche Kompetenzentwicklung*. 2003. № 4. S. 1–7.
- Janczyk S., Correll L., Lieb A.* Quo vadis Arbeit? Jenseits verengter Perspektiven und Deutungsmuster, Discussion Papers 1, Marburg: GendA – Netzwerk feministische Arbeitsforschung, 2003.
- Klages H.* Werte und Wertewandel // Bernhard Schäfers (Hg.) *Handwörterbuch zur Gesellschaft Deutschlands*. Opladen: Leske+Budrich, 1998. S. 698–709.

Klammer U., Klenner C., Ochs C. et al. Wirtschafts- und Sozialwissenschaftliche Institut – Frauen Daten Report. Handbuch zur wirtschaftlichen und sozialen Situation von Frauen. Berlin: Edition Sigma, 2000.

Kratzer N. Arbeitskraft in Entgrenzung. Grenzenlose Anforderungen, erweiterte Spielräume, begrenzte Ressourcen. Berlin: Edition Sigma, 2003.

Krueger H. The life-course regime: Ambiguities between interrelatedness and individualization // W. R. Heinz, V. W. Marshall (eds). Social dynamics of the life course. Transitions, institutions, and interrelations. N. Y.: Aldine de Gruyter, 2003. P. 33–56.

Leitner A., Wroblewski A. Welfare states and work-life balance. Can good practices be transferred from the Nordic countries to conservative welfare states? // European Societies. 2006. Vol. 8. № 2. P. 295–317.

MacInnes J. Work-life balance in Europe: a response for the baby bust or reward for the baby boomers? // European Societies. 2006. Vol. 8. № 2. P. 223–249.

Maier R., De Graaf W., Frericks P. Policy for the «Peak Hour» of Life: Lessons from the Dutch Life Course Saving Scheme // European Societies. 2007. Vol. 9. № 3. P. 339–358.

Maihofer A., Boehnisch T., Wolf A. Wandel der Familie. Duesseldorf: Hans-Boeckler-Stiftung, 2001.

Moen P. (Ed.). It's About Time: Couples and Careers. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

Ostner I., Lewis J. Gender and the evolution of European social policies // S. Leibfried and P. Pierson (eds). European social policy. Washington, D.C. Brookings Institute, 1995. P. 159–193.

Ponzellini A. M. Work-life balance and industrial relations in Italy // European Societies. 2006. Vol. 8. № 2. P. 273–294.

Saraceno C. (Ed.). Families, Ageing and Social Policy. Intergenerational Solidarity in European Welfare States. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2008.

Saraceno C. Change in life-course patterns and behaviour of three cohorts of Italian women // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1991. Vol. 16. № 3. P. 502–521.

Saraceno C. Gendered Policies: family obligations and social policies in Europe // T. P. Boje, A. Leira. Gender, Welfare State and the Market. L.: Routledge, 2000. P. 135–158.

Елена Юрьевна Рождественская

канд. филос. наук, профессор кафедры анализа социальных институтов
факультета социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник

Института социологии РАН

электронная почта: erozhdestvenskaya@hse.ru
